

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 159.923.2

DOI: 10.17853/1994-5639-2019-2-96-112

ИНТЕГРАТИВНАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Е. В. Барашкова¹, Л. И. Дробышева-Разумовская², Л. Я. Дорфман³

Пермский государственный институт культуры, Пермь, Россия.

E-mail: ¹barashkovaev@mail.ru, ²rectorat@psiac.ru, ³dorfman07@yandex.ru

Аннотация. *Введение.* В последние десятилетия в науке, в том числе в ее общественно-гуманитарной области, активно развиваются направления на стыке различных отраслей знания. Междисциплинарные исследования, благодаря которым происходит качественное соединение достижений разных наук, приобретают фундаментальное значение, поскольку они позволяют получить максимально полные сведения о том или ином изучаемом предмете либо явлении и найти варианты оптимальных решений для сложных исследовательских задач. Однако в интегративном тренде знаний обнаруживаются, по крайней мере, две проблемные зоны – онтологического и эпистемологического происхождения.

Цель исследования, которому посвящена статья, – раскрыть на примере музыкальной психологии потенциал междисциплинарного исследования и интеграции разнокачественных образований из нескольких дисциплин.

Методология и методики. В работе использовались положения системно-интегративного подхода к изучению человека и концепции «метаиндивидуального мира» (МИМ), базирующейся на представлениях о гетерогенной, многокачественной, многодетерминированной природе полисистем.

Результаты и научная новизна. Очерчено и охарактеризовано предметное поле музыкальной психологии. Показано, что в настоящее время оно раздроблено на разнонаправленные составляющие из области психологии и музыкознания, связи между которыми слабо артикулированы. Причина заключается не только в разнородности базовых психологических и музыковедческих понятий, но и в несовпадении онтологического статуса объектов и предметов двух ключевых структурных компонентов обсуждаемой сферы. Вместе с тем явственно ощущается потребность их междисциплинарной интеграции и устранения эпистемологического дуализма в развитии научной отрасли.

Впервые теоретически и логически сформулированы основания для введения понятий «музыковедческой» и «психоведческой» музыкальных психо-

логий. Показаны различия между ними: если первая обращена к собственно музыкальному произведению, то вторая – к психике композитора и музыканта. И хотя они порождают неодинаковые феноменологии и внеположны друг другу, но движутся во встречном направлении. Поэтому акцентируется необходимость построения интегративной музыкальной психологии (ИМП) по типу психогенетики, психофизиологии, этнопсихологии или поведенческой географии. В качестве интеграционного прототипа предлагается концепция МИМ, которая допускает плюралистический взгляд на ИМП и в которой индивидуальность (личность, психика, сознание) и мир (внешние реалии, социальные группы, культура, искусство) рассматриваются в едином ключе. Выдвигается идея трансцендентности музыкальной психологии – двунаправленных переходов из одного ее предметного поля в другое. Главный смысл наличия таких переходов состоит в появлении феноменов инобытия как формы (способа) преодоления разрывов между предметными областями «психоведческой» и «музыковедческой» музыкальной психологии.

Изложенное исследование конкретизирует пути становления и укрепления ИМП и вносит свою лепту в методологию гуманитарно-общественных наук в целом.

Практическая значимость. Материалы публикации имеют важное прикладное значение для подготовки выпускников музыкальных и искусствоведческих специальностей. В учебно-воспитательном процессе следует использовать потенциал двух аспектов музыкальной психологии совместно, а не по отдельности, формируя и развивая у студентов умения и навыки трансцендентного восприятия и анализа музыкальных произведений.

Ключевые слова: междисциплинарные исследования, интеграция, системно-интегративный подход, метаиндивидуальный мир, «музыковедческая» музыкальная психология, «психоведческая» музыкальная психология, интегративная музыкальная психология, трансценденция, транзитивность, инобытие.

Для цитирования: Барашкова Е. В., Дробышева-Разумовская Л. И., Dorfman Л. Я. Интегративная музыкальная психология // Образование и наука. 2019. Т. 21. № 2. С. 96–112. DOI: 10.17853/1994-5639-2019-2-96-112

INTEGRATIVE MUSICAL PSYCHOLOGY

E. V. Barashkova¹, L. I. Drobysheva-Razumovskaya², L. Ya. Dorfman³

Perm State Institute of Culture, Perm, Russia.

E-mail: ¹barashkovaev@mail.ru, ²rectorat@psiac.ru, ³dorfman07@yandex.ru

Abstract. *Introduction.* In recent decades, diverse scientific directions have been actively developed at the interface between various fields of knowledge, including social sciences and humanities. Interdisciplinary research provides a

high-quality “unification” of achievements of different sciences and gains fundamental value, since they allow full information on this or that studied subject or phenomenon to be received and options of optimum solutions for difficult research tasks to be obtained. However, there are two problem zones in an integrative trend of knowledge – ontological and epistemological origin.

The *aim* of the research was to reveal the potential of interdisciplinary research and integration of diverse directions from several disciplines by the example of musical psychology.

Methodology and research methods. The provisions of the system-integrative approach and the concept of “meta-individual world” (MIW) were employed. The MIW theory justifies the heterogeneous, multi-qualitative, multi-determined nature of poly-systems.

Results and scientific novelty. The subject field of musical psychology is outlined and characterised. It is shown that now it is shattered into multi-directional components from the field of psychology and musicology, which links are poorly articulated. The reason is not only in heterogeneity of basic psychological and musicological concepts, but also in the discrepancy of ontological status of objects and objects of two key structural components of the sphere under discussion. Nevertheless, there is urgent necessity for their cross-disciplinary integration and elimination of epistemological dualism in the development of scientific industry.

The theoretical and logical grounds for the introduction of the concepts of “musicological” and “psychological” musical psychology are obviously provided. Differences between them are shown: if the first is turned to a piece of music, then the second – to mentality of a composer and a musician. However, they generate unequal phenomenology and lie outside to each other, although they move in the opposite direction. Therefore, the need for creation of integrative musical psychology (IMP) as psychogenetics, psychophysiology, ethnopsychology or behavioural geography is recognised. As the integrative prototype, it is proposed to use the concept of MIW, which supports the pluralistic view on IMP, i.e. IMP considers individuality (personality, mentality, consciousness) and world (external realities, social groups, culture, art) in a coherent manner. The authors proposed the idea of musical psychology transcendence – bidirectional transitions from one its subject field to another. The main point of existence of such transitions consists in the emergence of the phenomena of otherness as the form (way) of overcoming gaps between subject areas of “psychological” and “musicological” musical psychology. The present research concretises and justifies the ways of formation and development of IMP and contributes to the methodology of social sciences and humanities.

Practical significance. The research materials are of practical importance for education of graduates of musical and art specialties. In the teaching and educational process, it is necessary to use the potential of two aspects of musical psy-

chology, but not separately, in order to form and develop in students the skills of transcendental perception and analysis of pieces of music.

Keywords: interdisciplinary research, integration, system-integrative approach, meta-individual world, “psychological” musical psychology, “musicological” musical psychology, integrative musical psychology, transcendence, transitivity, otherness.

For citation: Barashkova E. V., Drobysheva-Razumovskaya L. I., Dorfman L. Ya. Integrative musical psychology. *The Education and Science Journal*. 2019; 2 (21): 96–112. DOI: 10.17853/1994-5639-2019-2-96-112

Введение

Специализация гуманитарных и общественных наук, таких как экономика, право, психология, педагогика, филология, лингвистика, искусствоведение, музыковедение, этнография и др., приводит к фрагментации познания человека и различных аспектов его жизнедеятельности. Этой традиции может противостоять иной подход, состоящий в объединении и интеграции отдельных гуманитарно-общественных научных отраслей. Интегративный тренд обнаруживает, однако, по меньшей мере две проблемные зоны.

Первая проблема онтологического свойства. Вопрос заключается в том, с какой степенью полноты отображают бытие человека и общества сложившиеся гуманитарные и общественные научные направления. Задавая данный вопрос, мы исходим из того, что на их границах могут существовать фрагменты социальной реальности, которые недостаточно определены. Это обусловлено тем, что различные гуманитарные и общественные науки обращаются к сущему в его разных аспектах и не покрывают зазоров между данными аспектами в полной мере. Возможно ли рассмотрение сущего как единого применительно к разнопорядковым (разнодисциплинарным) качествам?

Вторая проблема эпистемологического характера. Она касается возможностей интеграции познания тех фрагментов социальной реальности, свойства и признаки которых попадают в поле зрения разных гуманитарных и общественных наук. В настоящее время междисциплинарные исследования, внутри которых происходит интеграция разных аспектов сущего, приобретают фундаментальное значение.

Обычно отрасль знания имеет отчетливо выраженную центральную область. Фрагмент реальности, который описывается и исследуется, попадает в ядро научной дисциплины. Так, предметным ядром культурологии является культура, социологии – общество, психологии – психика и т. д.

Концептуальные расхождения центральных областей даже смежных дисциплин оказываются существенными, поскольку они обращаются к фрагментам социальной реальности, сущее которых своеобразно, а глубинное родство не очевидно.

Иная картина наблюдается на предметной периферии гуманитарно-общественных дисциплин. Они могут сближаться, вплоть до употребления одних и тех же терминов. Тогда, вроде бы, данные дисциплины подобны. Однако это не более чем внешняя видимость. Возьмем, к примеру, психологию искусства. Она представляет собой периферийные области искусствоведения («искусствоведческая» психология искусства) и психологии («психологическая» психология искусства). «Искусствоведческая» и «психологическая» психологии искусства, казалось бы, весьма близки. Но в этом можно усомниться, ведь они обращаются к разнородным фрагментам реальности: первая исходит из сущности и способов бытия искусства, вторая – из сущности и способов бытия психики [1]. У них разнородное сущее, а вопрос их концептуального и понятийного родства остается открытым.

Фундаментальная задача междисциплинарных исследований состоит в анализе отношений гуманитарных и общественных наук. Эта задача является новой, если иметь в виду «гибриды», которые могут возникать на стыках нескольких отраслей знания при сочетании их достижений и инструментария. Одним из отношений междисциплинарности могут быть исследования таких интеграций. Основа интеграции – философский принцип единства мира. В известной степени он противостоит аналитическому подходу, поскольку в отличие от него ориентируется не на установление различий, а на поиск общего, единого понимания человека и общества. При этом базовой выступает идея их гетерогенности (многокачественности) [2, 3]. Одно из назначений междисциплинарных исследований в том и состоит, чтобы создавать интегративные теории, покрывающие и перекрывающие знания, добытые в рамках отдельных дисциплин. В этом случае предполагается приращение нового междисциплинарного знания о человеке и мире [2–4].

Идеи междисциплинарного исследования и интеграции разнокачественных образований из нескольких дисциплин анализируются далее на примере музыкальной психологии. В настоящее время она раздроблена, потому что развивается в русле двух направлений – психологии и музыкознания. Эти направления практически не пересекаются, если иметь в виду их происхождение. «Психоведческая» музыкальная психология имеет дело с категориями психического, сознания, личности, а «музыковедческая» музыкальная психология – с категориями художественного и эс-

тетического. Теория музыки (исследующая основные закономерности музыки, композиционные средства и приемы, музыкальное исполнительство) и знания о человеке (о психологии индивидуальности композитора, исполнителя, слушателя) разобщены. Между этими областями знания и понимания возникли дисциплинарные перегородки – по объекту и предмету, онтологически и эпистемологически, теоретически и эмпирически. Может ли идти речь об их интеграции? Загадка отношений музыки и психики того же порядка, что и отношения, к примеру, психики и мозга. Задача анализа музыкальной психологии как междисциплинарного направления по линии интеграции до сих пор, за редкими исключениями [1], ни методологически, ни теоретически практически не ставилась и нуждается в специальном анализе и осмыслении.

В данной статье предпринята попытка раскрыть с позиций системно-интегративного подхода [3] потенциал междисциплинарного исследования и возможности интеграции двух направлений музыкальной психологии – «психоведческого» и «музыковедческого».

Изложенное ниже исследование не только вносит свою лепту в методологию музыкальной психологии и гуманитарно-общественных наук в целом, но и имеет важное прикладное значение для подготовки выпускников музыкальных и искусствоведческих специальностей. В учебно-воспитательном процессе следует использовать потенциал двух аспектов музыкальной психологии совместно, а не по отдельности, формируя и развивая у студентов умения и навыки трансцендентного восприятия и анализа музыкальных произведений.

Две музыкальные психологии

Как было отмечено во введении, психология искусства характеризуется качественной неоднородностью и распадается на «психологическую» и «искусствоведческую» ветви. Они существуют и сосуществуют, имея дело с искусством в рамках психологии и искусствоведения. По аналогии можно обозначить качественную неоднородность музыкальной психологии. Она разделена на «психоведческую» музыкальную психологию и «музыковедческую» музыкальную психологию, поскольку изучает разные по происхождению качества.

«Музыковедческая» музыкальная психология пытается расширить предмет музыкознания путем использования психологических явлений, сохраняя тем не менее приверженность категории художественного. Психологические понятия употребляются в житейском смысле и рассматриваются как производные от музыкального материала и его художественной ин-

терпретации. Предполагается, что музыкальное произведение рождает музыкальные образы, представления, ассоциации, которые передают некое психологическое содержание. Оно возникает благодаря мелодии, ритму, ладу, фактуре как средствам музыкальной выразительности. Жанр, форма, тембр, гармония, динамика, взаимодействие композиторских и исполнительских средств также влияют на музыкальные образы¹ [5].

По Б. В. Асафьеву, смыслообразованием в музыке управляет интонация [6]. Она образует семантическую ячейку, в которой знаком выступает музыкальный оборот, а значением – его смысл.

Развивая теорию музыкального содержания, В. Н. Холопова предложила типологию интонаций, разделив их на эмоциональные, изобразительные, жанровые, стилиевые, композиционные [7]. В реальной практике присутствуют также смешанные и промежуточные интонации.

Со всей очевидностью «музыковедческая» музыкальная психология устанавливает психологические свойства музыкального произведения, не обращая собственно к психике композитора (исполнителя, слушателя). Присвоение психологических характеристик музыкальному материалу объясняется тем, что они подвергаются анализу не только в рамках музыкознания, но и эстетики² [5, 8]. К примеру, художественное, эстетическое восприятие достаточно развитого в музыкальном отношении слушателя является, строго говоря, музыкальным, а не психологическим³.

В конечном счете психологические особенности оказываются вторичными, производными от музыкальных произведений, их строя и выразительных средств. Музыка служит объектным носителем психологических характеристик и в этом смысле объективно обуславливает их.

Вместе с тем такой подход воспринимается неоднозначно. Многие искусствоведы усматривают в нем угрозу подмены предмета их науки или, по меньшей мере, попытку некорректно изменить и расширить его границы. У психологов вызывает настороженность происхождение «музыковедческой» музыкальной психологии. Они относятся с сомнением к самому факту возможности наделения музыкального произведения (а не че-

¹ Назайкинский Е. О психологии музыкального восприятия. Москва: Музыка, 1972.

² Мазель А. А. Вопросы анализа музыки: Опыт сближения теоретического музыкознания и эстетики. Москва: Советский композитор, 1978; Медушевский В. О закономерностях и средствах художественного воздействия музыки. Москва: Музыка, 1976; Назайкинский Е. О психологии музыкального восприятия. Москва: Музыка, 1972.

³ Назайкинский Е. О психологии музыкального восприятия. Москва: Музыка, 1972.

ловека) признаками психического, поскольку оно выносится в область музыки и отделяется от человека.

«Психоведческая» музыкальная психология, наоборот, занимается вопросами вклада свойств психики, сознания, личности в музыкальные произведения. При этом, являясь разделом психологической науки, она имеет дело с музыкой по преимуществу в таких аспектах и отношениях, которые как бы освобождают психологию от необходимости изучать собственно художественное. Скажем, когда проводится анализ музыкальных произведений или изучаются типологии композиторов, исполнителей, слушателей, категория художественного не включается в предмет исследования, она будто исчезает в силу ее «естественной» избыточности. «Психоведческая» музыкальная психология находится рядом с музыкальным процессом, не проникая в саму ее ткань.

В поле ее зрения попадают психические явления, которые сопрягаются с музыкальной деятельностью: восприятие и понимание музыкального произведения, перевод его значений в смыслы, эмоциональные и когнитивные процессы, особенности личности композиторов, исполнителей, слушателей.

К примеру, В. М. Петров выделяет «аналитический» и «синтетический» типы композиторов [9]. Композиторы аналитического типа, такие как Бах, Гендель, Рамо, демонстрировали эмоциональные предпочтения по преимуществу с отрицательной валентностью. Композиторы, относящиеся к синтетическому типу (Берлиоз, Вагнер, Малер), наоборот, в основном имели эмоциональные предпочтения с положительной валентностью.

Е. П. Ильин и Р. Ф. Сулейманов, изучая профессиональную деятельность музыкантов-инструменталистов под углом зрения их эмоциональности как свойства темперамента, отметили, что одни из них проявляют склонность к лирике, другие – к драматическим произведениям, третьи – к легкой, веселой музыке [10].

Г. В. Токарева раскрыла феномен имплицитных эмоциональных предпочтений исполнителей музыкальных произведений, возникающих в зависимости от временной перспективы. Автором было установлено, что данные предпочтения отсутствуют по одним эмоциональным характеристикам: радости, печали, активности, раскованности – и обнаруживаются по другим: страху, гневу, пассивности, напряжению и направлению эмоций на себя; в связи с чем была сформулирована проблема астенических имплицитных эмоциональных предпочтений как индикаторах экзистенциальной тревоги музыкантов-исполнителей за свое ближайшее будущее [11].

В подобных исследованиях особенности музыки оказываются вторичными, производными от психологических качеств композиторов и музыкантов, свойства психики и личности которых обуславливают строй музыкальных произведений и особенности их исполнения. Соотнесение музыкальных

произведений с психикой композиторов, исполнителей, слушателей не случайно. Ведь речь идет о специфике психологического восприятия и поведения, а не о музыкознании и музыкальной эстетике¹ [1, 12–19].

Таким образом, «психоведческая» музыкальная психология ориентируется на предмет психологической науки. По этой причине, однако, перспективы ее интеграции с «музыковедческой» музыкальной психологией слабо артикулированы.

И дело не только в принадлежности двух музыкальных психологий разным областям знания, но и в онтологическом статусе их объекта и предмета. «Психоведческая» музыкальная психология обращается к психике, а «музыковедческая» – к музыкальному произведению. Соответственно эти психологии порождают неодинаковые феноменологии и внеположны друг другу, хотя движутся во встречном направлении.

Интеграция междисциплинарной музыкальной психологии и ее прототип

До сих пор сохраняется эпистемологическая ситуация, при которой само словосочетание «психология музыки» выглядит для некоторых как нечто бессмысленное. Кстати, в современной американской психологии понятие психологии искусства употребляется довольно редко. Соответствующее подразделение американской психологической ассоциации называется «Психология и искусство» (а не «Психология искусства»).

Проблема соотношения психологических и музыковедческих понятий, за редкими исключениями обращения к ней, слабо осмыслена и мало разработана. Всякий раз при определении предмета музыкальной психологии происходят концептуальные столкновения фундаментальных категорий психического и художественного. Проблема заключается в интеграции разнородных научных знаний об одном объекте и установлении концептуальных мостов между ними. По сути, речь идет о построении интегративной музыкальной психологии по типу психогенетики, психофизиологии, этнопсихологии или поведенческой географии.

Термин «интеграция» происходит от двух латинских слов: *integratio* – процесс вставки частей во что-то, соединение и *integer* – цель. Обозначим некоторые из многочисленных значений этого термина: связанность частей и функций системы в целое и процесс, ведущий к такому состоянию; объединение в целое ранее разнородных частей и элементов; процесс, в результате которого разрозненные части, имеющие некоторые сходные черты, объединяются в единое целое; переплетение. В нашей интерпретации интеграция направлена на сближение частей и развитие связей между ними.

¹ Выготский А. С. Психология искусства. Москва: АСТ, 2018.

Подвергнем анализу, в первом приближении, возможности интеграции «музыковедческой» музыкальной психологии и «психоведческой» музыкальной психологии. Начнем поиск предмета интегративной музыкальной психологии (ИМП) с определения ее прототипа и экстраполяции его основных свойств на ИМП.

Условимся под прототипом понимать некие исходные общие положения (прообраз, репрезентативные понятия), которые позволяют дать представление о предполагаемой ИМП. Далее можно применить логику гипотетико-дедуктивного метода [20].

Мы предлагаем использовать системно-интегративный подход к изучению человека и концепцию метаиндивидуального мира (МИМ) [2, 3]. Преимущества данного выбора состоят в том, что МИМ позволяет наметить предмет собственно ИМП.

В концепции МИМ индивидуальность (психика, сознание, личность) и мир (внешняя действительность, люди, социальные группы, культура, искусство) рассматриваются в интегративном ключе. Соответственно МИМ можно считать ближайшей предпосылкой ИМП, единства композитора (исполнителя, слушателя) и музыки как вида искусства. Их отношения могут обсуждаться в психологических и музыковедческих аспектах, причем в плане их интеграции, а не по отдельности. Это значит, что базовыми являются психологические и музыковедческие понятия. Естественно, они отличаются разнородностью, и это обстоятельство приводит к пониманию ИМП как двойственной в своей основе, что не подразумевает редукцию одной музыкальной психологии к другой. Напротив, они сосуществуют, расходятся в одних аспектах и сходятся в других.

Согласно концепции МИМ, речь может идти о двух базовых отношениях:

- первое (система 1) возникает внутри «психоведческой» музыкальной психологии, имеет психологическую форму и определяет движение исследования от психологических особенностей индивидуальности (композитора, исполнителя, слушателя) к выразительным средствам музыкального произведения. В этом базовом отношении личность композитора (исполнителя, слушателя) служит причиной, а изменения музыкально-выразительных средств – ее следствием;

- второе (система 2) возникает внутри «музыковедческой» музыкальной психологии, имеет музыковедческую форму и определяет движение исследовательского поиска от выразительных средств музыкального произведения к индивидуальности композитора (исполнителя, слушателя). В данном случае причиной становятся выразительные средства музыкального произведения, а ее следствием – психологические особенности композитора (исполнителя, слушателя).

Казалось бы, системы 1 и 2 совпадают, но лишь формально, поскольку они различаются по выполняемым функциям. Личность композитора (исполнителя, слушателя) в системе 1 выполняет роль причины, а в системе 2 – роль следствия. В свою очередь, музыкально-выразительные средства в системе 1 – это следствие, а в системе 2 – причина. Базовые отношения не совпадают также по психологическим и музыковедческим параметрам.

Возьмем, к примеру, исследования музыкального исполнительства. С помощью музыкального материала музыкант строит исполнительские образы. Он создает их по двум линиям. Первая – воспроизведение композиторского замысла с той или иной степенью полноты, вторая – субъективность трактовки композиторского замысла. Так возникает исполнительская художественная интерпретация.

Далее можно заметить, что воспроизведение замысла композитора и художественная интерпретация, которую творит исполнитель, расходятся по базовым отношениям, обозначенным выше.

Воплощение авторской идеи, вписывающееся в систему 2, в значительной степени обусловлено теми выразительными средствами музыкального произведения, которые жестко определены нотами и не могут подвергаться трансформациям. Способности исполнителя оценивают по тому, насколько точно и безукоризненно он воспроизводит соответствующую сторону музыкального творения автора.

Художественная интерпретация, наоборот, вписывается в систему 1 и существенным образом зависит от представлений исполнителя. Его возможности задают те выразительные средства, которые открыты для исполнительских вариаций и не имеют достаточно четких и строгих фиксированных значений (по темпу, ритму, громкости, паузам и т. п.). Указания композитора по данному поводу размыты и лишены конкретики, а возникающая в связи с этим зона неопределенности «разрешает» множественность исполнительских выборов. Поэтому исполнитель может подвергать композиторский замысел произвольным трансформациям в широком и в то же время приемлемом диапазоне. По художественной интерпретации судят об оригинальности трактовки, ее необычности, творческом потенциале исполнителя [1].

Значит, базовые отношения, в которые вписываются воспроизведение исполнителем композиторского замысла и его художественная интерпретация, не совпадают. Конечно, эти составляющие сливаются в ходе исполнения. Тем не менее их различие оправдано теоретически и в ряде случаев обнаруживается эмпирически. Дифференцирование базовых отношений как систем 1 и 2 свидетельствует о перспективе понимания ИМП, основанной на двойных, психологических и музыковедческих, качествах. В известном смысле они взаимодополнительны.

Проиллюстрируем вышеизложенное. Обучая учеников игре на скрипке, К. Х. Монасыпов для формирования исполнительских навыков правой руки подыскивал наиболее адекватные отдельным движениям двигательные образы-представления. Для извлечения звука целым смычком вниз использовался образ «покатились (с горы)», вверх – «закатили (санки)». При смене смычков у колодки применялся образ «опоздали (пальцы)», «оттолкнули (локоть)». Верхняя часть смычка и смена смычка у конца регулировались образом «облокотились (на что-то)», «гладить (утюгом)» [21]. Конечно, подобные аналоги музыкальных движений или даже действий – лишь бледная тень житейских представлений исполнителя. Но этот пример отчетливо показывает, как исполнитель может использовать обыденные (внемузыкальные) образы и переводить их в плоскость музыкальных. Значит, они основываются на двойных, психологических и музыковедческих, качествах, которые дополняют друг друга.

Таким образом, исследования в рамках «музыковедческой» музыкальной психологии и «психоведческой» музыкальной психологии так или иначе соприкасаются и приобретают гетерогенность, а не поляризуются.

Транзитивность как центральная характеристика интегративной музыкальной психологии

Как «психоведческая» и «музыковедческая» психологии могут интегрироваться? Очевидно, что во внимание следует принимать плюралистический взгляд на ИМП, учитывая существование названных психологий.

Вряд ли интеграция заключается в слиянии. Ведь тогда у этих психологий должен быть единый корень. Мы же имеем дело с иной ситуацией: ИМП по необходимости опирается на интеграцию двух разнородных качеств: одно принадлежит «психоведческой» музыкальной психологии, другое – «музыковедческой». В совокупности они образуют двойную основу ИМП.

Перспективным представляется подход, основанный на идее трансценденции. Она означает переход границы между двумя разнородными областями (см., например, [22]). Тогда важным становится вопрос о понимании интеграции как переходов между предметным полем одной музыкальной психологии – психоведческой – и предметным полем другой музыкальной психологии – музыковедческой. Так мы приближаемся к тому, что транзитивность (переходы) может быть центральной характеристикой ИМП.

Главный смысл транзитивности видится в появлении феноменов инобытия – формы (способа) преодоления разрывов между предметными областями «психоведческой» и «музыковедческой» музыкальных психологий.

Благодаря инобытию композитор (исполнитель, слушатель) передает следы, отпечатки своей жизни и переживаний музыкальным творениям. Это явление относится прежде всего к предметному полю «психоведческой» музыкальной психологии.

Оборотная сторона инобытия состоит в том, что композитор (исполнитель, слушатель) и сам отмечен неизгладимой печатью влияний музыкальных произведений. Эта сторона отображается по преимуществу в предметном поле «музыковедческой» музыкальной психологии.

В конечном счете инобытие как транзитивность сращивает обе области и приводит к становлению ИМП.

Заключение

Музыкальная психология раздроблена, потому что развивается в русле двух достаточно автономных дисциплин – психологии и музыкознания. «Психоведческая» музыкальная психология имеет дело с категориями психического, сознания, личности (психология), а «музыковедческая» психология – с категориями художественного и эстетического (музыкознание). Между этими областями знания и понимания возникли многочисленные дисциплинарные перегородки – по объекту и предмету, онтологически и эпистемологически, теоретически и эмпирически. В настоящей работе была поставлена попытка их интеграции.

Поиск предмета интегративной музыкальной психологии осуществлялся через ее прототип и экстраполяцию его основных свойств на ИМП. В качестве прототипа использовались системно-интегративный подход к изучению человека и концепция МИМ.

Было установлено, что структура ИМП разнородна и двойственна в своей основе, в которой мы выделили два базовых отношения.

Первое отношение (система 1) существует в предметном поле «психоведческой» музыкальной психологии, обладает психологической формой и продвигается от психологической индивидуальности (композитора, исполнителя, слушателя) к средствам музыкального произведения. В этой системе личность композитора (исполнителя, слушателя) выступает причиной, а изменения музыкально-выразительных средств – ее следствием.

Второе отношение (система 2) рождается в предметном поле «музыковедческой» музыкальной психологии, имеет музыковедческую форму и в ходе поиска решения проблем движется от выразительных средств музыки к индивидуальности человека (композитора, исполнителя, слушателя). В данном базовом отношении выразительные средства музыкального произведения оказываются причиной, а психологические особенности творцов – ее следствием.

Для интеграции психологических и музыковедческих качеств мы предлагаем использовать идею трансценденции. Взаимопереходам между предметными полями двух музыкальных психологий будут способствовать процессы инобытия.

В контексте представленного исследования практическое значение приобретают развитие и формирование у студентов музыкальных и искусствоведческих специальностей способности анализировать музыкальные произведения с позиций трансценденции и инобытия, под углом зрения предметного поля двух аспектов (ответвлений) музыкальной психологии.

Список использованных источников

1. Дорфман Л. Я. Эмоции в искусстве. Москва: Смысл, 1997.
2. Дорфман Л. Я. Каузальный плюрализм и холизм в концепции метаиндивидуального мира // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2016. Т. 13, № 1. С. 98–136.
3. Вяткин Б. А., Дорфман Л. Я. Системная интеграция индивидуальности человека. Москва: Институт психологии РАН, 2018.
4. Мерлин В. С. Очерк интегрального исследования индивидуальности. Москва: Педагогика, 1986.
5. Холопова В. Н. Теория музыкальных эмоций: опыт разработки проблемы // Музыкальная академия. 2009. № 1. С. 12–19.
6. Асафьев Б. В. Музыкальная форма как процесс. Москва, 2012.
7. Холопова В. Н. Мелодика. Москва: Музыка, 1984.
8. Juslin P. N., Isaksson S. Subjective criteria for choice and aesthetic judgment of music: A comparison of psychology and music students // Research Studies in Music Education. 2014. № 36 (2). P. 179–198. Available from: <http://dx.doi.org/10.1177/1321103X14540259> (дата обращения: 19.12.2018)
9. Петров В. Социальная и культурная динамика: быстротекущие процессы (информационный подход). Санкт-Петербург: Алетейя, 2008.
10. Ильин Е. П., Сулейманов Р. Ф. Эмоциональные особенности музыкантов-инструменталистов в процессе становления их профессионального мастерства // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2006. Вып. 6. С. 42–50.
11. Токарева Г. В. ИмPLICITные эмоциональные предпочтения музыкантов-исполнителей // Художественное сознание: консолидация естественно-научного и гуманитарного подходов: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием / ред. Г. В. Акопов. Самара: ПГСГА, 2014. С. 195–200.
12. Абульханова К. Проблемы психологии искусства в школе С. Л. Рубинштейна // Творчество в искусстве – искусство творчества / под ред. Л. Дорфмана, К. Мартиндейла, В. Петрова, П. Махотки, Д. Леонтьева, Дж. Купчика. Москва: Наука; Смысл, 2000. С. 122–141.
13. Грязева-Добшинская В. Г. Феномены субъектности в современном искусстве // Вопросы психологии. 2006. № 1. С. 93–104.

14. Леонтьев А. Н. Некоторые проблемы психологии искусства // Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения: в 2 т. Т. 2. Москва: Педагогика, 1983. С. 232–239.
15. Леонтьев Д. А. Введение в психологию искусства. Москва: МГУ, 1998.
16. Петренко В. Ф. Психосемантика искусства. Москва: МАКС Пресс, 2014.
17. Теплов Б. М. Избранные труды. Т. 1. Москва: Педагогика, 1985.
18. Цагарелли Ю. А. Психология музыкально-исполнительской деятельности. Санкт-Петербург: Композитор, 2008.
19. Hurley B. K., Fink L. K., Janata P. Mapping the dynamic allocation of temporal attention in musical patterns // *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance*. 2018. № 44 (11). P. 1694–1711. Available from: <http://dx.doi.org/10.1037/xhp0000563> (дата обращения: 19.12.2018)
20. Петров В. М. Дивергентное «расщепление» духовного мира и повседневные концепции Пространства – Времени (Дедуктивное конструирование в рамках системно-информационного подхода) // *Мир психологии*. 2012. № 4. С. 42–57.
21. Монасыпов К. Х. Проблемные методы обучения и воспитания скрипача в условиях клуба // *Человек и современный клуб: Перестройка взаимоотношений* / отв. ред. Л. Я. Дорфман. Пермь: Пермский гос. ин-т культуры, 1989. С. 183–186.
22. Гайденко П. П. Прорыв к трансцендентному: Новая онтология XX века. Москва: Республика, 1997.

References

1. Dorfman L. Ya. *Emocii v iskusstve = Emotions in art*. Moscow: Publishing House Smysl; 1997. (In Russ.)
2. Dorfman L. Ya. Causal pluralism and holism in the theory of meta-individual world. *Psihologiya. Zhurnal Vysshej shkoly ehkonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 2016. 13; 1: 98–136. (In Russ.)
3. Viatkin B. A., Dorfman L. Ya. *Sistemnaya integraciya individual'nosti cheloveka = Systemic integration of human individuality*. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences; 2018. (In Russ.)
4. Merlin V. S. *Oчерk integral'nogo issledovaniya individual'nosti = Essay on the integral study of individuality*. Moscow: Publishing House Pedagogika; 1986. (In Russ.)
5. Kholopova V. N. Theory of musical emotions: Experience of problem development. *Muzykal'naya akademiya = Music Academy*. 2009; 1: 12–19. (In Russ.)
6. Assaphiev B. V. *Muzykal'naya forma kak process = Musical form as a process*. Moscow; 2012. (In Russ.)
7. Kholopova V. N. *Melodika = Melody*. Moscow: Publishing House Musika; 1984. (In Russ.)
8. Juslin P. N., Isaksson S. Subjective criteria for choice and aesthetic judgment of music: A comparison of psychology and music students. *Research Studies in Music Education* [Internet]. 2014 [cited 2018 Dec 19]; 36(2): 179–198. Available from: <http://dx.doi.org/10.1177/1321103X14540259>

9. Petrov V. Social'naya i kul'turnaya dinamika: bystrotekushchie processy (informacionnyj podhod) = Social and cultural dynamics: Fast-moving processes (information approach). Saint-Petersburg: Publishing House Aleteia; 2008. (In Russ.)

10. Il'in E. P., Suleimanov R. F. Emotional features of musicians-instrumentalists in the process of formation of their professional skills. *Izvestiya RGPU im. A. I. Gercena Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science*. 2006; 6: 42–50. (In Russ.)

11. Tokareva G. V. Implicit emotional preferences of performing musicians. In: *Hudozhestvennoe soznanie: konsolidaciya estestvennonauchnogo i gumanitarnogo podhodov: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem = Art Consciousness: The Consolidation of Natural-Science and Humanitarian Approaches. Materials of the All-Russian Scientific Conference with the International Participation*; Samara; 2014. Ed. by Akopov G. V. Samara: PGSGA; 2014: 195–200. (In Russ.)

12. Abul'khanova K. Problemy psihologii iskusstva v shkole S. L. Rubinshtejna // *Tvorchestvo v iskusstve – iskusstvo tvorchestva = Problems of psychology of art in the school of S. L. Rubinstein. Creativity in art – art in creativity*. Ed. by L. Dorfman, K. Martindale, V. Petrov, P. Machotka, D. Leontiev, G. Cupchik. Moscow: Publishing Houses Nauka, Smysl; 2000. p. 122–141. (In Russ.)

13. Gryazeva-Dobshinskaya V. G. Phenomena of agency in contemporary art. *Voprosy psikhologii = Questions of Psychology*. 2006; 1: 93–104. (In Russ.)

14. Leontiev A. N. Nekotorye problemy psihologii iskusstva = Some problems of psychology of art. *Iz-brannye psihologicheskie proizvedeniya: v 2 t. T. 2 = Selected psychological works. In 2 volumes. V. 2*. Moscow: Publishing House Pedagogika; 1983. p. 232–239. (In Russ.)

15. Leontiev D. A. Vvedenie v psihologiyu iskusstva = Introduction to the psychology of art. Moscow: Moscow State University; 1998. (In Russ.)

16. Petrenko V. F. Psihosemantika iskusstva = Psychosemantics of art. Moscow: Publishing House MAKSPress; 2014. (In Russ.)

17. Teplov B. M. Izbrannye trudy. T. 1 = Selected works. V. 1. Moscow: Publishing House Pedagogika; 1985. (In Russ.)

18. Tsagarely Yu. A. Psihologiya muzykal'no-ispolnitel'skoj deyatel'nosti = Psychology of music performing activity. St.-Petersburg: Publishing House Kompositor; 2008. (In Russ.)

19. Hurley B. K., Fink L. K., Janata P. Mapping the dynamic allocation of temporal attention in musical patterns. *Journal of Experimental Psychology: Human Perception and Performance* [Internet]. 2018 [cited 2018 Dec 19]; 44(11): 1694–1711. Available from: <http://dx.doi.org/10.1037/xhp0000563>

20. Petrov V. M. Divergent “splitting” of the spiritual world and everyday concepts of Space-Time (Deductive design in the framework of system-information approach). *Mir psikhologii = World of Psychology*. 2012; 4: 42–57. (In Russ.)

21. Monasypov K. X. Problemnnye metody obucheniya i vospitaniya skripach-ha v uslovi-yah kluba = Problem methods of teaching and education of the violinist in the conditions of the folk club. *Chelovek i sovremennyy klub: Perestrojka*

vzaimootnoshenij = Folk club: Rebuilding relationships. Ed. by Dorfman L. Perm: Perm State Institute of Culture; 1989. p. 183–186. (In Russ.)

22. Gaidenko P. P. Proryv k transcendentnomu: Novaya ontologiya XX veka = Breakthrough to transcendence: The new ontology of the 20th century. Moscow: Publishing House Respublika; 1997. (In Russ.)

Информация об авторах.

Барашкова Елена Васильевна – профессор кафедры оркестрового дирижирования и народных инструментов Пермского государственного института культуры, заслуженный работник культуры РФ, Пермь, Россия. E-mail: barashkovaev@mail.ru

Дробышева-Разумовская Людмила Ивановна – профессор, заведующая кафедрой специального фортепиано Пермского государственного института культуры, заслуженный работник культуры РФ. Пермь, Россия. E-mail: rectorat@psiac.ru

Дорфман Леонид Яковлевич – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин Пермского государственного института культуры; ORCID: 0000-0002-4396-6652, SPIN-код: 7398-0715, Author ID: 72287; Пермь, Россия. E-mail: dorfman07@yandex.ru

Вклад соавторов. Нераздельное соавторство в исследовании, выполненном в Пермском государственном институте культуры (Пермь, Россия).

Статья поступила в редакцию 18.10.2018; принята в печать 16.01.2019.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Elena V. Barashkova – Professor, Department of Orchestral Conducting and Folk Instruments, Perm State Institute of Culture; Honoured Worker of Culture of the Russian Federation; Perm, Russia. E-mail: barashkovaev@mail.ru

Lyudmila I. Drobysheva-Razumovskaya – Professor, Head of the Chair of Special Fortepiano, Perm State Institute of Culture; Honoured Worker of Culture of the Russian Federation; Perm, Russia. E-mail: rectorat@psiac.ru

Leonid Ya. Dorfman – Doctor of Psychological Sciences, Professor, Head of the Chair of Humanities, Perm State Institute of Culture; ORCID: 0000-0002-4396-6652, SPIN: 7398-0715, Author ID: 72287; Perm, Russia. E-mail: dorfman07@yandex.ru

Contribution of the authors. The authors contributed equally to the present research, which was carried out at the Perm State Institute of Culture (Perm, Russia).

Received 18.10.2018; accepted for publication 16.01.2019.
The authors have read and approved the final manuscript.